Герберт Уэллс

Хорошее время – осень. Урожайное. В этом году, например, большой урожай литературных юбилеев. В сентябре 70 лет Сергею Довлатову,120 – Рувиму Фраерману, 100 лет Уильяму Голдингу, 115 Фицжеральду… И целых три юбилея у писетелей-фантастов – 90 лет Станиславу Лему, 105 – Александру Казанцеву и 145 лет Герберту Уэллсу, человеку, сделавшему научную фантастику серьёзным литературным жанром. Вот о нём и поговорим.

Почему Герберт Уэллс стал писать фантастику?

Родился он в Великобритании, в местечке Бромли, что недалеко от Лондона, в1866 году. Это была середина правления знаменитой королевы Виктории, самый расцвет викторианства. И если с точки зрения тогдашней мировой политики викторианство - это имперская мощь, устойчивость моральных принципов и политических институтов, относительное социальное благополучие, то в обывательском смысле - это чопорность, снобизм, высокомерие по отношения к простонародью, набожность, граничащая с ханжеством, почитание традиций, запрет на всякого рода сантименты. Словом, тот самый английский стиль, как его представляет массовое сознание до сих пор. На самом деле англичане, шотландцы, ирландцы жившие до Виктории отличались буйным нравом и вольнолюбием. Вспомним хотя бы Вальтера Скотта.

Подлинной викторианкой была мать Герберта, Сара. Тринадцать лет, которые Герберт, или Берти, как его звали в детстве, провёл в родительском доме, ему старались внушить крайние формы викторианства. А они ему были отвратительны как любому нормальному ребёнку.

Ему без конца ставили в пример сестру, которая скончалась за два года до его рождения. Вот она была ангелом! Берти, понятно, становиться ангелочком не хотелось. Он с криком и топотом носился по лестнице дома, пытался отнять приглянувшиеся игрушки у старших братьев Фрэда и Френка, поднимал рёв, когда покушались на его собственность. Как-то он запустил вилкой во Фрэда, да так, что у того остался шрам на всю жизнь, в другой раз швырнул во Френка деревянную лошадку, но промахнулся и всего лишь разбил окно… Братцы тоже были не промах. В конце концов они затащили младшенького на чердак и принялись душить его подушкой. Что им помешало довести это приятное занятие до конца Уэллс так и не понял до конца жизни.

Да, быть антивикторианцем было видимо у него на роду написано. Когда ему исполнился всего месяц, мать занесла в дневник (тоже викторианская черта): «Малютка очень беспокойный и утомительный…»

Его неприятности с религией начались уже во время крестин – «малютка», по всеобщему мнению, вел себя безобразно – английские

младенцы не должны орать в церкви и дрыгать ручками-ножками. Английские младенцы должны вести себя прилично, уж если родились в викторианскую эпоху. Сара изо всех сил пыталась привить Берти благочестие. Её рассказы о рае сын ещё как-то воспринимал, но существование ада вызвало в нём такой протест, что ему явно грозило в будущем стать безбожником.

Единственное, что утешало Сару Уэллс, это успехи Берти в учении. Он легко схватывал всё, чему его учили, неплохо рисовал, и в подготовительных классах не доставлял матери никаких хлопот. Правда, первое слово, которое он написал, было, почему-то, «масло». Детей старались отгородить от пагубного влияния простонародья. Этих человеческих особей следовало остерегаться и ни в чём не быть на них похожими! В том числе в одежде. Дети Сары ходили в чистеньких пиджачках, застёгнутых на все пуговицы. Играть и бегать было неудобно, но не дай Бог их расстегнуть или тем более снять! - под ним могло обнаружиться старенькое латаное-перелатанное бельишко (несмотря на снобизм, семейство Уэллсов было бедновато). Из-за того же страха перед простонародьем мальчиков мать старалась не выпускать со двора, ограниченного уборной, мусорной ямой и сточной канавой. Исключения составляли дни, когда которых Берти ждал с ужасом – королева Виктория будет проезжать через их городок и они должны присутствовать при этом, захватив заранее самые лучшие места у обочины. Как же мальчик ненавидел эти дни, эти проезды, эту тётку в карете, её детей и внуков! Это она придумала все эти дурацкие правила, а свои-то дети и внуки, наверное, жили как хотели, одевали, что хотели, делали, что хотели и ели как хотели и что хотели! Позднее Уэллс скажет, что королева Виктория - пресс-папье, которое на полвека наложили на мозги людей.

Словом Саре Уэллс не удалось сформировать духовный мир сына так, как ей хотелось Трудным оказался ребёнок.

Правда был один период в раннем детстве, о котором Уэллс вспоминал с удовольствием. Его отец отлично играл в крикет, за что снискал уважение всего городка. Как-то и Берти попробовал себя в этой игре. А было ему лет семь. Оказалось, что он унаследовал от отца умение владеть крикетным молотком. Один из зрителей бросился к нему с криком: «А ну скажи, чей ты?» - и подбросил мальчика в воздух. Подбросить-то подбросил, а вот поймать не сумел: Берти сломал ногу. И тут он понял, что жизнь прекрасна! Он стал центром внимания в доме. Его закармливали деликатесами, выполняли все его просьбы. А он прежде всего потребовал книги, ведь до того мать и учительница давали ему читать только божественное. Спустя десятилетия, когда писал автобиографию, Уэллс все книги перечислить не смог, но вот что ему запало в душу: «Естественная история» Вуда, какой-то двухтомник по географии, биография герцога Веллингтона, история гражданской войны в США, подшивки

юмористических журналов «Фан» и «Панч»... Это всё взрослые книги, их только и можно было раздобыть в городе. Однако Берти читал их без труда. Они давали пищу для размышлений. Уэллсу даже казалось, что именно тогда, в семилетнем возрасте в его сознании смутно забрезжила картина эволюции, более ясно померещившаяся потом Чарльзу Дарвину, а «Панч» и «Фан», изобиловавшие политическими карикатурами, начали формировать его политическое сознание – антивикторианское, естественно!

Но самое главное, недели болезни породили в нём страсть к чтению и потребность с помощью книг проникнуть в мир за пределами родных мусорной кучи и сточной канавы. Когда он выздоровел, родственники попытались отучить его от этой вредной для здоровья привычки, но у них ничего не вышло.

У матери были честолюбивые планы в отношении жизни своих сыновней. Они должны были стать приказчиками в мануфактурных магазинах! Словом, как сказал сам Герберт Уэллс, «если быв я не сломал тогда ногу, я, возможно, не был бы сейчас жив и не писал бы эту автобиографию, а давно бы уже умер измученным и выгнанным с работы приказчиком».

С его незаурядным умом и способностями, он понимал это, его место не в мануфактурной лавке, но как убедить в этом отца и мать?
Это было может быть самое трудное в его жизни. Сначала ему удалось добиться от родителей, чтобы они разрешили ему стать помощником учителя. Когда это удалось, радость его была так велика, что он прыгал и распевал на мотив «нам не страшен серый волк»:
Чертов парень убежал, убежал, убежал!

Да, чертов парень, Берти Уэллс убежал, вырвался из рамок, предписанных истинному англичанину. Он стал студентом Норманской школы, её биологического факультета, там же занялся экспериментальной физикой. Кроме того, он давно уже начал писать.
Восторг перед техническим прогрессом, набиравшим мощь в конце XIX века заставил его обратиться к жанру научной фантастики. Довольно скоро эта эйфория сменилась тревогой – уж больно безжалостно наступала техника на живую природу. Отсюда его стремление показать, насколько осторожен должен быть человек в использовании научных открытий. Именно об этом романы «Война миров», «Остров доктора Моро», «Люди как боги» и т.д. До сих пор эта тема актуальна, до сих пор люди разных стран зачитываются романами Герберта Уэллса и смотрят великолепные их экранизации.
Да, он не стал приказчиком, он стал писателем-фантастом, а писатель-фантаст, если он талантлив, это всегда человек, который разрушает преграды для человеческого воображения, ума и свободы духа.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь